

Б. П. Полевой

К ТРЕХСОТЛЕТИЮ СОЗДАНИЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ЧЕРТЕЖА СИБИРИ 1673 г.

(ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ РУССКОЙ ЭТНОКАРТОГРАФИИ)

В отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина в Румянцевском собрании под № 346 хранится подлинник знаменитой «Чертежной книги Сибири 1701 г.» известного тобольского картографа конца XVII — начала XVIII в. С. У. Ремезова¹. Лист 23 этого атласа старинных географических чертежей имеет название «Чертеж и сходство наличие земель всей Сибири Тобольского города и всех розных градов и жилищ и степи»². Исследователи уже давно кратко именуют его «первым этнографическим чертежом Сибири»³, а Л. С. Берг даже назвал «первой русской этнографической картой»⁴.

Действительно, на этом чертеже разными красками показаны места обитания («зѣмли») самых различных народностей. Чертеж грубо схематичен и потому неточен. Но мы пока не располагаем каким-либо иным аналогичным русским географическим чертежом со столь богатым этнографическим содержанием. Поэтому данный чертеж, бесспорно, заслуживает совершенно особого внимания историков русской этнографии.

Прежде всего необходимо достоверно определить, когда этот чертеж был создан. Ответ на этот вопрос помогает получить довольно витиевато сочиненное «Надписание об ординских землях» — разъяснение самого С. У. Ремезова: «Сей чертеж наличие земель написася между рек и урочищ, грани и межи сосед всех сибирских городов сходство, по рекам городов и иноземских волостей и кочевых орд коемуждо роду и языку по кое урочище со соседями владение земли своей, впредки они бо из своих жилищ с родных границ не выступают и в соседские не вступаются. А будя ис котораго языка орды в которую землю вступят скотом или на промысла какова будя зверя уловит приидут и о сем меж ими чинитца межусобье и грабление. И о сем в Тобольску по свидетельству преосвященного Корнилия митрополита Сибирского и Тобольского во 181-м году июня в 8 число первее по допросам и пословно и хлебосольно во исполнение Сибирскому чертежу, испытуя о всем ведомцов, бывальцов и старо-

¹ Некоторое время считалось, что данная книга является будто бы поздней копией ремезовского атласа. Несостоятельность этого мнения была показана в нашей статье «О подлиннике „Чертежной книги Сибири С. У. Ремезова 1701 г.“» Опровержение версии о „Румянцевской копии“», «Доклады Ин-та географии Сибири и Дальнего Востока», Иркутск, 1964, вып. 7, стр. 65—71; см. также Л. А. Гольденберг, Семен Ульянович Ремезов, М., 1965, стр. 94—99.

² См. также «Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году» (далее «Чертежная книга Сибири 1701 г.»), СПб., 1882, л. 23, а также «Атлас географических открытий в Сибири и в северо-западной Америке XVII—XVIII вв.» (далее «Атлас географических открытий...»), М., 1964, карта № 41. Левая часть чертежа в цвете воспроизведена во втором издании «Большой советской энциклопедии» (М., 1953, т. 20, между стр. 296 и 297).

³ А. И. Андреев, Этнографические труды Семена Ремезова о Сибири XVII века, «Советский Север», 1938, № 1, стр. 58.

⁴ Л. С. Берг, Русские этнографические карты, «Человек», 1928, № 1, стр. 63.

жилов коя земля на ветрех в коих местах у орд в соседи в урочищах сходна. И сему по допросам в различии шаров и цветов учинен сей в на-
личии Сибирской чертеж сходство всей Сибири города Тобольска и всех
розных городов, жилищ и степи и иноземских орд родов и язык вокруг
облажащих сосед. О них нам повести и чертежи в подсвоение ясаку нале-
жат»⁵.

8 июня 181 (7181) г. — это 8 июня 1673 г. Поэтому уже давно основная
часть исследователей считала, что С. У. Ремезов привел в чертежной
книге копию этнографического чертежа, созданного еще в 1673 г. Однако
известный историк Сибири А. И. Андреев с 30-х годов нашего века взял
эту датировку под сомнение⁶. По его мнению, этот чертеж в 1698 г. сде-
лал сам Ремезов. Он использовал в нем лишь определенные данные не
дошедшего до нас особого этнографического чертежа Сибири 1673 г.

Давно уже идут споры и по вопросу о том, кто был автором этногра-
фического чертежа Сибири 1673 г. Одни исследователи полагали, что
С. У. Ремезов; другие, допуская подобную возможность, не считали ав-
торство Ремезова доказанным. Некоторые (среди них А. И. Андреев)
решительно отвергали авторство Ремезова. А. И. Андреев полагал, что
С. У. Ремезов родился около 1660 г. и в 13-летнем возрасте он никак не
мог стать составителем этого чертежа⁷. Но в 1961 г. (уже после смерти
А. И. Андреева) А. Н. Копылов впервые достоверно установил, что
С. У. Ремезов родился в 1642 г. и что еще до 1690 г. он участвовал в со-
ставлении географических чертежей в Тобольске⁸. Исходя из данных
А. Н. Копылова, можно заключить, что С. У. Ремезов мог быть состави-
телем этнографического чертежа 1673 г. Но пока его авторство остается
недоказанным, и потому разумнее будет вслед за С. И. Бруком⁹ назы-
вать чертеж «Корнильевским», поскольку Ремезов связал этот чертеж с
именем тобольского митрополита Корнилия: ведь принято же чертеж
Сибири 1667 г. называть «Годуновским», поскольку этот чертеж был
создан по указанию и при участии тобольского воеводы П. И. Годунова.

Андреев, отказываясь признать ремезовский этнографический чертеж
в чертежной книге 1701 г. за копию этнографического чертежа Сибири
1673 г., обращал особое внимание, во-первых, на то, что в основе этого
чертежа лежал общий чертеж Сибири, сделанный С. У. Ремезовым в
Москве в 1698 г.¹⁰, во-вторых, на то, что изображение района Камчат-
ки — грушевидного безымянного полуострова и материковой реки с над-
писью «З/емля/ Камчадальска» — могло появиться на чертеже не ранее
1700 г.¹¹.

Но можно ли согласиться с этими доводами?

При анализе копий чертежей XVII в. необходимо помнить, что в те
времена еще не было точного копирования чертежей — копиисты лишь
весьма приблизительно передавали общие контуры чертежей и порой мо-
дернизировали их и некоторые надписи. Вспомните, например, как за-
метно различаются между собой все дошедшие до нас пять копий свод-
ного общего чертежа Сибири 1667 г.¹².

⁵ См.: «Чертежная книга Сибири 1701 г.», первая часть 23-го листа и «Атлас ге-
ографических открытий...», первый лист карты № 41.

⁶ А. И. Андреев, Очерки по источниковедению Сибири (далее — Очерки) вып.
1. М. — Л., 1960, стр. 183—185.

⁷ Там же, стр. 183.

⁸ А. Н. Копылов, К биографии С. У. Ремезова, «Исторический архив», 1961,
№ 6, стр. 237.

⁹ Это название впервые употребил С. И. Брук на Московской конференции по ис-
торической географии в октябре 1972 г.

¹⁰ А. И. Андреев, Очерки, стр. 183.

¹¹ Там же, стр. 190.

¹² Первая русская копия общего чертежа Сибири 1667 г. была опубликована в
книге: Л. С. Багров, Карты Азиатской России, СПб., 1914, стр. 11. Вторую русскую
копию см.: «Атлас географических открытий...», карта № 28. Известны также три
шведские копии: Кронемана, Прютца и Палмквиста. Копия Кронемана была воспро-
изведена В. А. Кордтом в его «Материалах по истории русской картографии» (вторая

Вполне возможно, что А. И. Андреев был прав, утверждая, что С. У. Ремезов положил в основу своей копии этнографического чертежа общие контуры созданного им нового общего чертежа Сибири 1698 г. Но безоговорочно это утверждать нельзя. Ведь возможно и обратное: находясь в Москве, С. У. Ремезов вполне мог взять за основу для своего общего чертежа Сибири общие контуры этнографического чертежа 1673 г. Для решения вопроса, можно ли ремезовский этнографический чертеж считать самостоятельным или копией аналогичного чертежа 1673 г. (как это считал сам Ремезов!), необходимо, конечно, проанализировать содержание чертежа в целом.

Начнем с того, можно ли согласиться с мнением А. И. Андреева, что изображение Камчатки на ремезовском этнографическом чертеже соответствует русским представлениям, возникшим только после 1700 г. Конечно, надпись «Земля *Камчадальская*» принадлежит самому С. У. Ремезову, поскольку ранее 90-х годов XVII в. это прилагательное вообще не употреблялось. Однако само изображение района Камчатки на этом чертеже гораздо ближе к русским географическим представлениям 1673 г., чем конца 90-х годов XVII в. В конце 90-х годов уже было хорошо известно, что существует полуостров Камчатка, получивший свое наименование по названию главной из текущих по нему рек. Но на чертеже река Камчатка изображена как материковая. В конце 60-х — начале 70-х годов XVII в. в Тобольске реку Камчатку действительно еще считали материковой¹³. Но это еще не доказательство, так как и на некоторых чертежах Ремезова 90-х годов река Камчатка иногда изображалась как материковая. Важнее другое: появление рядом с ней безымянного полуострова — «носа» с узким перешейком у его основания. Эта деталь полностью соответствует географическим представлениям 1673 г. В росписи чертежа Сибири 1673 г. упоминается «каменная переграда», через которую «день ходу», а с вершины ее видны одновременно два моря — «Амурское» (Охотское) и «Ленское» (по которому можно доплыть до Лены!)¹⁴. В северной части полуострова Камчатка на волюке между верховьями рек Лесная и Карага действительно есть такое место, где расстояние между реками можно пройти за сутки, а с перевала в ясную погоду одновременно видны Охотское и Берингово моря¹⁵. Путь этот, бесспорно, был известен в Сибири еще в XVII в., поскольку на чертеже Якутского города 1697 г. уже была показана камчатская река Лесная, с которой начинался переход на Берингово море¹⁶. Новые архивные находки подтвердили, что русские бывали на самом полуострове Камчат-

серия, вып. I, Киев, 1906, табл. XXII). Копия Прютца приложена к сборнику А. Титова «Сибирь в XVII веке» (М., 1890), а копия Палмквиста дана под № 29 в упомянутом «Атласе географических открытий...» 1964 г. Впервые копии Кронемана и Прютца были опубликованы известным полярным мореплавателем А. Э. Норденшельдом: А. E. Nordenskiöld, Den första på verkliga iakttagelser grundade karta öfver norra Asien, Ymer, 1887 (Argang VII), p. 133—144. Эта же статья была напечатана в русском переводе: А. Э. Норденшельд, Первая карта Северной Азии, основанная на действительных наблюдениях, «Записки Военно-топографического отдела Главного штаба», ч. 44, СПб., 1889, отд. VII, стр. 1—11. Копия Палмквиста была впервые опубликована в его альбоме «Московия»; E. Palmqvist, Några widt sidste kongl. ambassaden till tzaren i Moskvu gjorde observationer öfver Ryssland, anno 1674, Stockholm, 1898.

¹³ «Печатным» общим чертежом Сибири 1667 г. назывался тобольский подлинник этого чертежа (о происхождении названия «печатный» см.: Б. П. Полевой, О «печатном» чертеже Сибири 1667 г., «Сибирский географический сборник», М., 1962, стр. 250—252). Общий чертеж Сибири 1673 г. см.: «Атлас географических открытий...», чертеж № 30.

¹⁴ А. Титов, Указ. раб., стр. 53—54.

¹⁵ Об этом см.: С. П. Крашенинников, Описание земли Камчатки, М., 1949, стр. 99; «Лоция Северо-Восточного океана», 1910, т. 4, стр. 136.

¹⁶ Фрагмент из этого чертежа с изображением полуострова Камчатка см.: «Сибирский географический сборник», 1963, вып. 3, стр. 233.

ка еще до 1673 г. Так, например, выяснилось, что еще в первой половине 60-х годов XVII в. «вверх реки Камчатки» ходил казачий десятник И. М. Рубец¹⁷, а в середине XVII в. в низовьях реки Никул существовали два русских зимовья¹⁸. Таким образом, в 1673 г. русские, бесспорно, знали не только о реке Камчатке, но и о самом полуострове. Но до Тобольска эти сведения дошли в несколько искаженном виде: реку Камчатку считали там материковой рекой. И изображение на этнографическом чертеже района Камчатки вполне соответствовало тобольским представлениям 1673 г. Ремезов лишь модернизировал его название, употребив родившиеся в 90-х гг. слова «Камчадалская земля».

Окончательный вывод о датировке подлинника общего этнографического чертежа Сибири можно сделать лишь при анализе всей совокупности деталей этого чертежа.

Поскольку даже во многих больших городах Сибири и Дальнего Востока нет ни одного экземпляра изданной в 1882 г. «Чертежной книги...», а в упоминавшемся атласе 1964 г. интересующий нас чертеж был, к сожалению, опубликован без полной росписи имеющихся на нем названий, мы сочли необходимым привести полный список его этнографических данных. Такая роспись будет полезна этнографам для самых различных целей, а нам облегчит анализ содержания чертежа. Для удобства исследователей мы приводим нумерацию, имеющуюся на этом чертеже¹⁹. При необходимости в скобках даются краткие пояснения. Более пространственные комментарии вынесены в подстрочные примечания:

1. [Япония]²⁰, 2. [земля] Корея, 3. Земля Богдойска [собственно Маньчжурия], 4. Земли Китайского царства, 4.²¹ 3. Черных мунгал [здесь и далее буква «З» означает: Земля], 6. 3. Боротолска [Борантолы — Тибет], 7. 3. Кутумска [Котанское, Хотанское, Каганское], 8. 3. Кызылбашска [Иран], 9. 3. Бухаренского царства, 10. 3. Хивинского державства, 11. 3. Аралска [район Аральского, «Синего» моря], 13. 3. Гурленска [района р. Гюрген — Гиркония], 15. 3. Каракалпацка, 16. Земля Казачьи орды, 17. Земля Тунгутских многих калмыцких поименую тайш издавна на сих урочищах Торгоута, Кошеута, Зонгора, Дюр-

бета до них и до днесь со многими роды (тургута, хошота, джунгар и дурбота — четыре ойрота, на которые делились калмыки), 19. 3. Никанска [никаны — старокитайцы минского Китая], 20. 3. Чапчютска [помещена на территории Маньчжурии], 21. 3. Белых мунгал, 22. 3. Ураханска [Урунхай — Тува], 23. 3. Саянска [земля саянов], 24. 3. Алтынцов и теленбицов [владения Алтынханов и телебутов у Телецкого озера], 25. 3. Белых калмык, 26. Аблая тайши с каменными городами (калмыцкий тайша, владевший Аблайкитом и другими каменными городами на верхнем Иртыше), 27. 3. Кучюмовская [потомков сибирского Ку-

¹⁷ См. Б. П. Полевой, Забытый поход И. М. Рубца на Камчатку в 60-х гг. XVII века, «Известия АН СССР, сер. геогр.», 1964, № 4, стр. 130—135.

¹⁸ Н. Н. Степанов, Степан Петрович Крашенинников и его труд «Описание земли Камчатки» (см. С. П. Крашенинников, Указ. раб., стр. 15—16).

¹⁹ Всего на этом чертеже имеется 93 номера. Номер 93 означает горы, и потому он повторяется на чертеже несколько раз. Если мы приглядимся к имеющемуся на листе 23 переводу текста пояснения С. У. Ремезова на голландский язык, то сразу заметим, что год «1718» написан той же рукой, что и цифры на самом этнографическом чертеже. Это значит, что цифры на чертеж наносил отнюдь не Ремезов, а тот, кто знал голландский язык. Наиболее вероятно, что это сделал первый владелец ремезовской чертежной книги — глава Сибирского приказа А. А. Виниус, голландец по происхождению. Если мы вспомним, что после выхода в Амстердаме в 1705 г. второго издания книги «Северная и восточная Татария» ее автор Н. Витсен загорелся идеей составления нового чертежа Сибири с новым этнографическим описанием, то невольно возникнет мысль, что эти цифры явно связаны с теми новыми этнографическими описаниями, которые А. А. Виниус смог в самом начале XVIII в. переслать Н. К. Витсену и вдохновить его на составление нового (к сожалению, не дошедшего до нас) краткого описания народов Сибири.

²⁰ Название изображения определено путем сопоставления с другими географическими чертежами С. У. Ремезова.

²¹ Цифра 4 дана вторично явно по ошибке.

чюма], 3. Урлюковская²², 28. 3. Каратальцев²³, 29. 3. Копчашская [кыпчаков?], 30... Каракуринская [изображена на месте Каракум], 31. 3. Аксакальска²⁴, 32—33. 3. Нагайская, 34. 3. Аюкинская [владения калмыцкого хана Аюки, правил с 1670 по 1724 г.], 35. 3. Чювашка, 36. 3. Болгарска [волжских болгар], 37—38. 3. Башкирска и закаменных и тептерска²⁵, 39—40. [Общее название чертежа] Великая Тартария высокого холма и всей внутренней Сибири, а в ней со многими уезды: Тара, Тюмень, Туринск, с великими неясашными татарскими городками и волостями, 41—42. 3. Барабинска и теренинска²⁶, 43. 3. Кыштымска²⁷, 44. 3. Кыргыз белых и черных, 45. 3. Яренска [хакасы — яринцы верхнего Енисея], 46. 3. Даурская, в ней города Нерчинск с остроги, 47. 3. ясашных братьев [бурятов], в ней города Иркутской, Илимской, 48. Чичагорска китайских бояр села [Цицикар и другие маньчжурские поселения на Нонни. Название модернизировано и искажено С. У. Ремезовым], 49. 3. братьев неясашных, конных и оленных, 50. Земля царства Гилятского (земли нивхов), 51. 3. Товунска (земля эвенов р. Тауй), 52. 3. Ламунутская (ламуты — эвенов), 53. 3. Камчадальска, 54. 3. Коряков, 55. 3. многих родов якутов и

тунгусов, в ней град Якушкой с уезды, 57. 3. Камасинская (камасинцев — хакасов), 58. 3. чюлымцов и ачинцов (качинцев?) (северных хакасов), 59. 3. нарымских и кетских остяков (кетов), 60. 3. Вотяцкая (Удмуртия), 61. 3. мордовская, 62. 3. Золотой орды..., 64. 3. Черемисска (марийцы)..., 66. Великия скифы, словяне и порецы, 67. 3. Пермь Великая, 68. 3. Корельска, 69. 3. Лопарска, 70. 3. Швितская (Швеция)..., 73. 3. Юнгория или Удорска (угры нижней Оби), 77. Самоеди Терской (соответствует по месту обитания этнониму XVIII в.: «тысина пустозерская самоеды»²⁸), 78. Кондинска и Обдоринска. Град Березов (название, восходящее к древним «обдоры» и «кондоры», этнонимы, произошедшие от названия рек Оби и Конды), 79. 3. Вогульска, в ней города Верхотурье и Пелымь (владения западных манси), 80. Самоядь Гиндинская (ненцы, подчиненные Гынде Моликову), 82. 3. Пестрой орды остяков. В ней град Сургут (иначе «Пегей орды», сургутские ханты), 83. 3. многих родов тунгусов и самоединов, в ней град Турухан, 84. 3. Юраккой самоеди (ненцев), 85. 3. Шаманска (?) 86. 3. немирных самоеди..., 90. 3. Юнгарска (по местоположению — юагирская)..., 92. 3. чукчей.

В чертеже остались непронумерованными лишь несколько названий и среди них «З(емля) Арбутска» — очевидно, это неправильно прочитанная «земля Аргунская».

Из приведенных данных ясно видно, что создатель чертежа старался прежде всего показать места обитания различных народов и потому исследователи совершенно правильно назвали этот чертеж этнографическим. Но подавляющее большинство надписей на чертеже не могут быть приурочены к определенному периоду. И все же некоторые из надписей ясно показывают, что этот чертеж отражал события начала 70-х, а отнюдь не конца 90-х годов XVII в. Так, надпись № 26 о земле «Абляя тайши» связана с именем тайши, который в самом начале 70-х годов был захвачен торгоутами и передан русским. Не позднее 1674 г. тайша умер

²² «З. Урляковская» или «Урляковы» (на других чертежах) получила свое название от сыновей главы торгоутов Хо-Урлюка — Дайчина и Лоузана (о них подробнее см. документы, опубликованные в сборнике «Русско-китайские отношения в XVII веке», т. I, М., 1969).

²³ Группа киргизских племен. Краткие сведения о них см.: С. М. Абрамзон, Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи, Л., 1971, стр. 58.

²⁴ «З. Аксакальска» переименована на чертеж к северо-востоку от «Синего» (Аральского) моря. См. П. И. Рычков, Топография Оренбургская, М., 1792, т. I, стр. 214, где указывается, что на северо-восток от Аральского моря в «земле средней и малой киргизской орды» имеется озеро Ак-Сакал барба.

²⁵ См. С. И. Руденко, Башкиры, Л., 1925. На «Карте племенного состава населения Башкирского края», приложенной ко второй части монографии, под № 124 показаны места обитания башкир «тептярей».

²⁶ У барабинских татар существовала племенная группа «терена» — см.: «Народы Сибири» (Серия «Народы мира. Этнографические очерки»), М.—Л., 1956, стр. 473).

²⁷ «Кыштымь» — данники (в данной карте — киргиз).

²⁸ См. Б. О. Долгих, Очерки по этнической истории ненцев и энцев, М., 1970, стр. 44.

в Москве²⁹. Надпись № 80 связана с именем «самоядского» управителя Гынды Моликова, правившего этими землями в 60—70-х годах XVII в.³⁰. Чертеж отражает устаревшие представления о Китае, по которым Китай, «Богдойское царство» и «Никанское царство» ошибочно принимались за три самостоятельных государства. Представления эти бытовали в Тобольске до поездки посольства Н. Г. Спафария в Китай, т. е. до 1675 г., когда Н. Г. Спафарий первым сообщил властям, что Никанское царство — это не что иное, как минский Китай³¹.

Но лучшим доказательством того, что С. У. Ремезов действительно скопировал общий этнографический чертеж Сибири 1673 г., слегка его модернизировав, является то, что здесь не были использованы этнографические сведения, собранные им в 1697—1699 гг. Таким образом, большинство исследователей были совершенно правы, когда подлинник скопированного Ремезовым сводного этнографического чертежа датировали 1673 г., и мы теперь имеем право отметить трехсотлетие этого интереснейшего чертежа.

Но все ли нам известно о создании этого чертежа? К сожалению, нет. И на наш взгляд, даже в ранее цитированном пояснении Ремезова «Надписание об ординских землях» есть фразы, которые пока еще не были правильно истолкованы. Особого внимания заслуживает сообщение о том, что «чертеж наличие земель написася между рек и урочища, грани и межи сосед всех городов сходство, по рекам городов и иноземских волостей и кочевых орд коемуждо роду и языку по кое урочище со соседми владение земли своей». Можно ли сказать, что заинтересовавший нас общий этнографический чертеж 1673 г. действительно ясно показывает границы обитания «коемуждо роду и языку по кое урочище со соседми владение земли своей»? Конечно, нет. Под «урочищами» в XVII в. обычно имелись в виду такие приметные места, которые легко могли бы служить хорошим ориентиром: отдельные небольшие селения, устья притоков, пороги, горы, угодья, а порой даже отдельные деревья. На сводных схематических чертежах такие подробности чаще всего невозможно было дать. И для показа этих «урочищ» в XVII в. обычно создавались особые подробные чертежи, которые тогда так и назывались — «чертежи с урочищи». Образцы таких «чертежей с урочищи» имеются в «Хорографической чертежной книге» С. У. Ремезова³², а также в упоминавшемся Атласе 1964 г.³³.

Лишь недавно при подробном изучении истории сибирской картографии XVII в. стало известно, что в течение всего XVII в. в Сибири неоднократно создавались чертежные книги, включавшие многие подробные путевые «чертежи с урочищи» отдельных рек, а также некоторые специальные чертежи — отдельных городов, волостей и т. д. Теперь уже известно, что такие чертежные книги были «сбираны» в Сибири несколько раз: при тобольском воеводе П. И. Годунове осенью 1667 г.³⁴, во время поездки посольства Н. Г. Спафария через Сибирь в 1675—1677 гг.³⁵. Такая же чертежная книга была сделана и к чертежу части Сибири

²⁹ См. сб. «Русско-китайские отношения в XVII веке», т. I, стр. 544.

³⁰ С. В. Бахрушин, Научные труды, М., 1955, т. III, ч. 2, стр. 133—134.

³¹ 18 июля 1675 г. Н. Г. Спафарий после встречи на Енисее группы русских купцов, ехавших из Китая, писал: «Никанское царство нет иного опричь старого Китайского царства», см. «Записки Русск. геогр. о-ва по отделению этнографии», 1882, т. X, вып. I, стр. 170 (публикация Ю. В. Арсеньева).

³² S. U. R e m e z o v, Atlas of Siberia's-Gravenhage, 1958.

³³ «Атлас географических открытий...», карты № 35—40.

³⁴ Подробнее об этом см. статьи Б. П. Полевого, опубликованные в «Известиях АН СССР. Серия географическая» (1966, № 4, стр. 123—132), в «Докладах Института географии Сибири и Дальнего Востока» (1968, вып. 17, стр. 66—73) и «Canadian Cartographer» (Toronto) (1971, vol 8, № 1, p. 19—26).

³⁵ Б. П. Полевой, Географические чертежи посольства Н. Г. Спафария, «Известия АН СССР, серия географическая», 1969, № 1, стр. 115—124.

1697 г.³⁶ Поэтому цитированное разъяснение С. У. Ремезова невольно наводит на мысль, что в 1673 г. «во исполнение сибирскому чертежу» в Тобольске «по распросу ведомцов, бывальцов и старожиллов» тоже была создана новая серия региональных «чертежей с урочищи», вероятнее всего, путевых чертежей отдельных рек, на которых были показаны различные пограничные «урочища» не только между отдельными «ордами», но и порой между отдельными родами. Возможно, именно эти подробные чертежи С. У. Ремезов и называл «чертежами в подсовоение ясаку». И то, что все это делалось «во исполнение сибирскому чертежу» не оставляет никаких сомнений в том, что все это создавалось во время обширных работ по составлению нового комплекса чертежей к так называемому «чертежу Сибири 181 года» (1673 г.).

Давно уже известно, что роспись чертежа Сибири 1673 г. была составлена по тексту росписи чертежа Сибири 1667 г.³⁷, в которой, как недавно выяснилось, были собраны воедино копии кратких пояснений, вписанных в картуши («клейма») отдельных путевых чертежей в чертежной книге чертежа Сибири 1667 г.³⁸ Поэтому невольно возникает мысль о том, что и роспись чертежа Сибири 1673 г. отражала содержание не общего чертежа Сибири, а его региональных подробных «чертежей с урочищи». К сожалению, пока не удалось установить: делились ли эти региональные чертежи на обычные путевые чертежи и специальные местные этнографические чертежи, или же они объединяли самые различные функции, в том числе показывали «по рекам городов и иноземских волостей и кочевых орд коемуждо роду и языку по кое урочище со соседями владение земли своей».

Конечно, в состав чертежной книги Сибири 1673 г. в качестве особого листа был включен и общий схематический специальный этнографический чертеж 1673 г., который и был скопирован С. У. Ремезовым, вероятно, в 1698 г.

Но что же побудило С. У. Ремезова скопировать в конце 90-х годов XVII в. старый этнографический чертеж?

Видимо, во всем «виновата» царская указная грамота 1696 г., которая обязывала С. У. Ремезова приступить в Тобольске к составлению чертежа Сибири, на котором должны были быть изображены «ясашные волости» и «неприятельские немирные и иных владельцев земли», а также чертежа «от Тобольска до Казачьи орды и до Бухарен Большой и до Хивы»³⁹. Именно поэтому Ремезову и пришлось вспомнить о чертеже Сибири 1673 г., как наиболее богатом этнографическими данными.

Таким образом, чертеж Сибири 1673 г. оказался для С. У. Ремезова весьма полезным не только при составлении новых чертежей, но и при работе над этнографическими сочинениями, о существовании которых мы знаем лишь по некоторым цитатам, приведенным в знаменитой Черепановской летописи⁴⁰.

Итак, теперь уже очевидно, что 300 лет назад в 1673 г. в Тобольске была проделана немалая работа по созданию целого комплекса чертежей с богатейшим этнографическим содержанием. Однако до нас из всех этих чертежей дошла лишь модернизированная копия схематического общего этнографического чертежа Сибири. При всей своей примитивности он заслуживает особого внимания, потому что это самый ранний спе-

³⁶ Б. П. Полевой, Существовала ли вторая «Хорографическая книга» С. У. Ремезова?, «Известия Сибирского отделения АН СССР, серия общественных наук», 1969, вып. 1, стр. 68—73.

³⁷ А. И. Андреев, Очерки, стр. 49.

³⁸ Именно это подтверждает фраза «А около того чертежу писано в клеймах, что и в сей росписи слово в слово» в московской копии росписи чертежа Сибири 1667 г. (см. Н. Н. Оглоблин, Источники «Чертежной книги Сибири» Семена Ремезова, «Библиограф», 1891, № 1, стр. 6).

³⁹ «Полное собрание законов Российской империи», СПб., 1830, т. III, № 1532, стр. 213.

⁴⁰ А. И. Андреев, Очерки, стр. 186—189.

циальный этнографический чертеж. Но означает ли это, что мы, подобно Л. С. Бергу, должны начинать историю русского этнического картографирования лишь с этого чертежа? Конечно, нет. Существует множество более ранних русских географических чертежей, на которых приводились самые разнообразные данные о народах, населявших окраины России.

По многочисленным опубликованным и еще более по неопубликованным документам видно, что сибирские власти еще в первой половине XVII в. неизменно требовали от землепроходцев и мореходов, чтобы они на своих географических путевых чертежах и росписях к ним обязательно отмечали, где какие народы живут. Так, первый якутский воевода П. П. Головин, отправляя вверх по Лене казака Курбата Иванова с заданием «Лене реке до вершины и падучим в нее сторонним рекам зделать чертеж», приказывал ему при этом не забыть отразить в этом чертеже и в росписи к нему данные «про верхоленских неясачных тунгусов и про братьев». Курбат Иванов успешно исполнил это поручение⁴¹.

Участники похода И. Ю. Москвитина 1639—1641 гг. (первый поход русских на Тихий океан) на основании сообщений кочующих эвенков (ламутов) составили «Роспись племенам и рекам...»⁴². Этот документ в марте 1642 г. был использован Курбатом Ивановым при создании им новых чертежей Ленского края и, в частности, путевых чертежей всего маршрута, по которому прошли участники похода И. Ю. Москвитина⁴³. Позднее аналогичные путевые чертежи составлялись и во время амурских походов В. Д. Пояркова (1643—1645 гг.) и Я. П. Хабарова (1649—1653 гг.). Два раза составлялись и путевые чертежи Анадыря: первый раз в 1655 г. сподвижниками С. И. Дежнева⁴⁴, второй раз в 1661 г. Курбатом Ивановым⁴⁵. Спутники М. В. Стадухина в конце 50-х годов XVII в. составили путевой чертеж Охотского побережья⁴⁶. Подробные путевые чертежи Забайкалья «писали» в середине 50-х годов XVII в. и участники похода П. И. Бекетова⁴⁷. Позже такие путевые чертежи «сбирались» вместе и включались в чертежные книги отдельных воеводств, а затем, как мы уже знаем, и всей Сибири. Росписи к таким чертежам были двух типов: одни почти полностью отражали их содержание (например, роспись путевого чертежа от Енисейска до Ленского волока⁴⁸), другие — лишь главное. Именно такими были росписи чертежей Сибири 1667 г. и 1673 г.

Таким образом выяснилось, что русские землепроходцы еще задолго до составления чертежа 1673 г. сделали десятки путевых чертежей, на которых были показаны места обитания различных народов Сибири. Основные сведения о них приводились также и в дополнительных чертежных росписях. Некоторые этнографические сведения имелись в схематических общих чертежах Сибири, главное назначение которых состояло в том, чтобы, во-первых, дать общее представление о Сибири и, во-вторых, помочь пользующимся путевыми чертежами яснее представить, как соотносились между собой эти отдельные путевые чертежи. Так, на общем чертеже Сибири 1667 г. были (весьма приблизительно) показаны места обитания «киргизов», «мугал» (монголов), «саянцев», «калмык», «кучковых» (тувинцы — кучугуты?), «башкирцев», «урлюковых» (см. примечание 22), «нагаев» и на севере «самоеди» (ненцев,

⁴¹ Б. П. Полевой, Курбат Иванов — первый картограф Лены, Байкала и Охотского побережья (1640—1645 гг.), «Известия Всесоюзного географического общества», М., 1960, № 1, стр. 46.

⁴² Н. Н. Степанов, Первая русская экспедиция на Охотском побережье в XVII веке, «Известия ВГО», 1958, № 5, стр. 446—447.

⁴³ Б. П. Полевой, Курбат Иванов..., стр. 49—50.

⁴⁴ «История Сибири», Л., 1968, т. 2, стр. 157.

⁴⁵ Б. П. Полевой, Курбат Иванов..., стр. 52.

⁴⁶ «Дополнения к Актам историческим», СПб., 1851, т. 4, стр. 122.

⁴⁷ «Сборник документов по истории Бурятии. XVII век», вып. I, Улан-Удэ, 1960, стр. 196.

⁴⁸ «Дополнения к Актам историческим», СПб., 1846, т. 2, стр. 110—114.

энцев и нганасан). Некоторые этнографические данные были включены и в путевые чертежи — «прилоги» 1667 г., что ясно видно из текста росписи чертежа Сибири 1667 г. На чертеже пути из Тобольска в Астрахань явно были показаны и «калмыцкий Дюрбецкой улус», и бухарские земли района Ургенча («Юргенжд»), и владения уже упоминавшихся «Урлюковых». На чертежах Амура были отмечены владения дауров и других амурских народов. Однако чертежи Сибири 1667 г. содержали лишь некоторые этнографические данные. Недаром С. У. Ремезов отмечал, что тобольский подлинный «печатный» чертеж Сибири 1667 г. остался «без прилогов селищ и волостей и немирных земель»⁴⁹. Эта фраза означала, что чертежная книга подлинного тобольского чертежа Сибири 1667 г. не включала чертежи «немирных земель». Этот недостаток был исправлен при составлении чертежей в 1673 г.

Теперь уже очевидно, что принятая в Сибири XVII в. система составления чертежных книг, включавших общие, региональные путевые чертежи, чертежи «стольных городов» и некоторые специальные чертежи, была заимствована сибирскими картографами от московских. Недавно выяснилось, что в основу известной карты России голландца Гесселя Герритса 1613—1614 гг. был положен общий схематический «старый чертеж» Московского государства (или так называемый чертеж Федора Борисовича). И этот общий чертеж тоже содержит немало различных этнографических данных. В самом деле, в восточной части этого чертежа-карты указаны: ненцы — «Samoieda», жители низовьев Оби и Конды — «Obdoga» и «Kondoga», страны «югры» — «Jugogia», ханты средней Оби — «Пегая орда» — «Pega orda», затем тунгусы — «tingoesi». В Поволжье: «ceremissi logovi» и «ceremissi nagorni», т. е. «черемисы луговые» и «черемисы нагорные» (марийцы), «mordwa», «colmucki» (калмыки) и даже «turcmen» (туркмены) и некоторые другие народности.

Несомненно, в России существовали и другие, более древние географические чертежи, на которых были показаны места обитания различных восточных народов. Так, на знаменитых картах-чертежах России Сигизмунда Герберштейна, Антония Дженкинсона, Джакобо Гастальди, Антония Вида и других западноевропейских картографов имеется немало этнографических данных, явно заимствованных из русских источников, в том числе и из географических чертежей. Так, на картах С. Герберштейна показаны, например, «Kirgessi» (киргизы), «Colmack» (калмыки), «Cassackia» (Казахстан), «Ivgoria horda» («югорская орда»), «Turck Men» (туркмены) и др. На карте А. Дженкинсона помещены «Nogai» (ногайцы), «Mordwa» (мордва), «Sermisi» (черемисы-марийцы) и т. д. На картах Дж. Гастальди отмечены: «Nogai» (ногайцы), «Basridi» (башкиры), «Mordwa» (мордва), «Czeremissa» (черемисы). На картах А. Вида: «Kolmucky horda» («Колмыцкая орда»), «Kosaky horda» («Козачья орда») и др. На картах Иолока Гондия указываются самоеды, «югры», калмыки и даже «заволжская Татария» («Zavolhenses Tortari») ⁵⁰.

Изучение древнейшей истории русской этнокартографии, к сожалению, серьезно затруднено из-за неразработанности самой истории русской картографии тех далеких времен. Поэтому историкам этнокартографии, видимо, следует возродить былую традицию Музея антропологии и этнографии и самим заняться изучением ранней истории картографии, как это сделал в прошлом этнограф Б. Ф. Адлер, автор прекрасной монографии «Карты первобытных народов» (СПб., 1910), и позднее приватно Л. С. Багров, труды которого по истории картографии получили всемирное признание. Ранняя русская картография обладает многими особенностями, которые нельзя правильно понять и оценить без хорошего

⁴⁹ См. Л. С. Багров, Указ. раб., стр. 11.

⁵⁰ Некоторые из этих карт-чертежей воспроизведены в «Атласе географических открытий...» (карты № 20—22, 24 и 27). См. также: В. А. Кордт, Материалы по истории русской картографии, сер. 2, вып. 1, Киев, 1906.

знания древней истории России, особенно ее материальной и духовной культуры. Поэтому во многих вопросах древнейшей истории картографии лучше всех могут разобраться именно этнографы.

Некоторые отрывки из летописей, и особенно из «Повести временных лет», ясно показывают, что русские еще во времена Киевской Руси имели необыкновенно широкие пространственные представления и очень хорошо знали места обитания не только близких, но и далеких народов, например в районе Дуная. И просто трудно допустить, чтобы они при этом никогда не пользовались географическими чертежами. Очевидно, возникновение русской этнической картографии относится к весьма давним временам. Но из-за скудности источников исследователи пока что не в состоянии точно указать, когда началась ее история. Но при тщательном изучении самых разнообразных источников этнографы могут уточнить раннюю историю русской этнической картографии. Пока же из дошедших до нас русских специальных этнографических чертежей все-таки самым ранним по праву может считаться лишь «Корнильевский чертеж» Сибири, трехсотлетие которого исполняется в этом году.

THE TERCENTENARY OF THE 1673 ETHNOGRAPHIC MAP OF SIBERIA (TO THE HISTORY OF ORIGINS OF RUSSIAN ETHNOCARTOGRAPHY)

Three hundred years ago, in the summer of 1673 several various new geographical maps («drawings») were compiled in Tobolsk; among them was a general ethnographical map of Siberia. This is the earliest Russian ethnographical map that has reached us from the remote past. It is analyzed here after a revised copy compiled by the Siberian cartographer S. U. Remezov. Russian ethnographic mapping, however, originated long before 1673. Information about various peoples had been included in many earlier Russian maps. Ethnographers should resume their participation in the study of early Russian cartography. This would substantially widen their knowledge on early Russian ethnocartography and of its origins and make this information more precise.
